

примечаниях к ним во множестве рассеяны лаконичные, но отличающиеся глубиной анализа заметки по различным вопросам строя и истории самодийских языков, косвенно связанным с рассмотренными автором темами. Таковы, например, этимология самодийского пролатива (стр. 35—36), объяснение фонетических причин ауслаутной эпентезы гортанного смычного в ненецком языке (стр. 66—67), анализ камасинских числовых форм (стр. 85—86) и т. д. В рецензии невозможно даже перечислить все подобные фрагменты, каж-

дый из которых, возможно, заслуживал бы самостоятельного исследования. Эта насыщенность лингвистическим материалом не оставляет места сомнениям в том, что каждый, кто интересуется вопросами описательной и сравнительно-исторической грамматики самодийских языков — и шире, языков уральской семьи и языков Северной Евразии в целом — сможет почерпнуть из рецензируемого сборника немало разнообразных данных и интересных идей.

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

<https://doi.org/10.3176/lu.1977.4.11>

М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1976. 288 стр.

Рецензируемая монография — первое крупное исследование речи ижемских коми, проживающих на северной половине территории Коми АССР, а также в соседних Архангельской и Тюменской областях (Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском национальных округах), а также в Мурманской области. Ижемцы составляют около 20% всего коми населения (стр. 3).

В предисловии излагается краткая история заселения бассейна Ижмы и среднего течения Печоры, а также история изучения ижемского диалекта. Первым исследователем речи ижемцев был М. А. Кастрен, который на фактическом материале этого диалекта написал «Elementa Grammatices Sargjaenae» (Helsingforsiae 1844). А. Г. Шренк в «Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojuden, zum Arktischen Uralgebirge» II (Dorpat 1854) опубликовал около 900 ижемских слов с переводом на ненецкий и немецкий языки. В XIX—XX вв. изучением говоров ижемского диалекта занимались Ф. И. Видеман, Ю. Вихманн, Т. Утила, В. И. Лыткин (список работ см. на стр. 6 рецензируемого исследования).

Авторы монографии с 1947 г. изучали речь ижемцев, проживающих не только в бассейне Ижмы и Печоры, но и за пределами Коми АССР¹, а также привлекли материалы других авторов,²

Монография состоит из традиционных разделов, посвященных описанию фонетики, морфологии и лексики диалекта. Лексика представлена разделом «Особенности словарного состава» (стр. 116—124), где анализируются корневые и производные от общекоми корней слова, сложные слова и терминологические сочетания, специфические для данного диалекта, а также словарем, охватывающим свыше 4 тыс. слов, отличающихся от форм других диалектов и литературного коми языка фонетически, морфологически и семантически.

Образцы текстов речи коми-ижмцев с переводом на русский язык занимают 40 стр., один из них — «Корасем» ('Сватовство') — оставлен без перевода.

Книга снабжена схематической картой расселения ижемских коми.

Как известно, ижемский диалект относится к нуль-эловым, т. е. в определенных фонетических условиях фонема *l* исчезает за счет удлинения предыдущей гласной, например, *lō < *lol*, но *lolis* 'ду-

¹ М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Некоторые особенности говора кольских коми. — Историко-филологический сборник, вып. 6, Сыктывкар 1960, стр. 130—151.

² Т. И. Жилина, Н. А. Колегова, Некоторые особенности говора обских коми (сс. Мужы и Шурышкар). — Историко-филологический сборник, вып. 6, Сыктывкар 1960, стр. 152—171.

ша'. Таким образом получаются связанные долгие гласные $\bar{o}$, $\bar{u}$, $\bar{i}$, $\bar{e}$, $\bar{a}$, противостоящие кратким и выступающие различителями смысловых единиц: $p\bar{u}$ 'брусника' и pu 'дерево'.

Переднерядные i , e не удлинняются. После них этимологическая l переходит в j как перед согласными, так и перед гласными: $pejnat$ 'моим большим пальцем', $peje$ 'мой большой палец' < * pel 'большой палец'.

Авторы ошибочно считают, что перед гласными l произносится и в подтверждение приводят два примера: $k\bar{e}l\bar{e}$ 'переходит вброд' и $pila$ 'облачно'. Глагол $kejni$ в 3-м лице единственного числа настоящего времени всегда имеет форму $keje$. Форма $pila$ 'облачно' от * pil 'облако', ср. фин. $pilvi$ (КЭСК), является исключением. В диалекте широко распространен вариант $pija$ с фонемой j вместо l (стр. 196).

Кроме связанных долгих гласных, имеются удлинненные, появляющиеся перед звонкими и сонорными согласными, а перед глухими выступающие в краткой форме. Удлинение гласных среднего (i , e , a) и заднего (o , u) рядов перед звонкими в закрытом слоге исследователи объясняют смысловой нагрузкой. В словах с эмфатическим ударением гласный обычно удлинняется, по мнению авторов, даже перед глухими согласными (стр. 15). Однако экспериментальные данные не приводятся и предположение остается не подкрепленным.

Говоря о вокализации этимологического l в конце слога, исследователи дают исторический экскурс, находят аналогии в прибалтийско-финских языках и соседних севернорусских говорах и вполне логично приходят к мысли о том, что «удлинение предыдущего гласного вместо этимологического l , а также образование сочетаний ej , ij , aj произошло под влиянием одного из прибалтийско-финских языков» (стр. 22).

В отношении происхождения e первого слога в ижемском диалекте, как и в других диалектах пермских языков, авторы придерживаются концепции В. И.

Лыткина о происхождении e первого слога из ф.-у. $\bar{a}$.³

В лабиализации предыдущего гласного i последующим согласным m в составе суффиксов nim , im > nim , im М. А. Сахарова и Н. Н. Сельков находят параллели в соседних финно-угорских языках (марийском, венгерском), где имеется гармония гласных по лабиальности (стр. 36). Нам представляется, что они имеют основание считать данную лабиальную ассимиляцию гласных реликтовым явлением, свидетельствующим о былой гармонии гласных в древнекоми языке.

Анализируя случаи выпадения отдельных гласных конца корневых морфем, авторы резюмируют, что в данном диалекте чаще, чем в других коми говорах, отсутствуют конечные гласные корня. В качестве примера приведено nim (лит. $nimi$ 'пимы'). В данном слове выпадения конечной гласной не было, так как nim 'пимы', $mat\bar{c}a$ 'малица' и другие ненецкие заимствования проникли в речь коми-ижемцев непосредственно вместе с оленеводческими терминами: ср. нен. $piemnu$ 'пимы', $mal\bar{c}a$ 'малица'. В литературный коми язык и диалекты эти слова проникли через севернорусские говоры (КЭСК). Слово nim по законам русского языка приняло форму множественного числа, как и аналогичные слова, обозначающие парные предметы: *валенки, сапоги*.

В разделе «Морфология» подробно рассматриваются особенности падежной системы речи ижемских коми. В ряде коми диалектов аллатив употребляется в роли аккузатива. Особенно распространено это явление в ижемском диалекте. Приведен значительный материал (45 предложений) для иллюстрации этого случая. Зафиксировано также восемь предложений, в которых аллатив выступает в роли номинатива. Этот материал требует дальнейшего изучения и обработки.

В некоторых примерах допущены описки: $\bar{i}ur\bar{e}$ *кушмытэдз кор'ыс'и* (стр. 49) — во фразеологизме jur *kušmítež* (букв. 'до облысения (о длительных поисках)') jur 'голова' употребляется без притяжательного суффикса; $m\bar{e}$ *k\bar{e}rka-t\bar{e}žjanum k\bar{e}rka \bar{e}ssa oz n'in s'ur?* (стр.

³ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 236.

53) 'не нашлось дома, кроме нашего?' — личное местоимение в роли определения всегда согласуется с определяемым словом в числе: *mi kerkategjanum; ti пэснад* вместо *ти пэснаныд* (стр. 70).

Особый интерес вызывает грамматикализация некоторых знаменательных слов. Авторы выявили слова, в которых лексема *ни* 'сын' употребляется для обозначения не только детенышей животных, птиц, но и молодых пород деревьев: *kozpi* 'елочка', *kižpi* 'молодая березка' и т. п., а лексема *нэс* 'домашние вещи' — не только при обозначении материала для изготовления предметов, но и кандидата на какую-либо роль: *brigaurles* 'кандидат в бригадиры'.

Пропущены суффиксы субъективной оценки *-ovan* и *-jan*, обычно присоединяемые к мужским именам для передачи добродушного, чуть иронического отношения: *Petrovan* 'Петрушка', *Il'ovan* 'Илюша', *Federjan* 'Федюша', *Paveljan* 'Павлуша'.

При перечислении способов выражения степеней сравнения прилагательных, образуемых посредством слов и сочетаний со значением степени, некоторые не упомянуты, например *kiz mi vi diš* 'крайне ленив' (букв. 'на толстой земле (ленив)') и т. д.

Авторы верно отмечают архаичность суффикса аккузатива личных местоимений 1 и 2 л. мн. числа *te* вместо *es* в литературном языке и диалектах. В подтверждение приводятся примеры: древнеперм. *mižandj* 'нас', *tijaŋe* 'вас' и удм. *valjostj* 'лошадей'. Правильно подчеркивается, что 3 л. ед. и мн. числа в аккузативе имеет соответственно формы *сийэ* и *нийэ*. Следует добавить, что наряду с *nije* употребительна форма *наје* 'их'. Однако на стр. 281 вместо *сийэ* ошибочно написана форма номинатива *сыа*: *Код бураа робитэ, сыа бураа и потшитайтэныс* 'Кто хорошо работает, тот в почете' (букв. 'того хорошо почитают'). Ошибки вкрались и в примеры на стр. 67. В каузативе местоимения 1 и 2 л. мн. числа имеют форму *миланум*, *тиланыд*, а не *милаанум*, *тилааныд*. *Сы тившийаннас хватасаи* следует перевести как 'тот платок надела'.

Усилительно-личные местоимения в

роли определения в косвенных падежах, кроме притяжательного, употребляются в форме основы *-ас*. Приведенные на стр. 73 формы *аслам кинам* 'я своей рукой', *аслад кинад* 'ты своей рукой' не употребляются, вместо них произносятся *as kinam*, *as kinad*.

Авторы отмечают (стр. 69), что личные местоимения *ме* 'я', *тэ* 'ты', *ми* 'мы' в элативе в сочетаниях с послелогом *öddor* 'кроме' оформляются повторными падежными суффиксами: *мяс' умс'* (< *мэс'умыс'*) *öddor* 'кроме меня', *тэс'ыдс'* (< *тэс'ыдыс'*) *öddor* 'кроме тебя' и т. д. Но этот послелог ижемы произносятся как *šeddor* не только при личных местоимениях, но и при существительных и других частях речи, например, *keššis šeddor ažžilim ur* 'кроме зайца, мы видели белку', *šojemšis šeddor nünem os teđ* 'ничего не знает, кроме еды'. Послелог *šeddor* образовался в результате слияния падежного форманта опорного слова *š* (показатель элатива) + *eddor* 'кроме, помимо', так же как удмуртский (кукморский) послелог *lišana* 'кроме, помимо, за исключением, исключая' < *liš* (показатель аблатива) + *jana* 'отдельно, раздельно, врозь'; комиП *ladorež* 'к, в сторону' < *la* (показатель локатива) + *dorež* 'к'; венг. *nélkül* 'без' < *nél* (показатель адессива) + *kül* < *kivül* 'вне, кроме'.⁴

Важную часть монографии составляет словарь специфических слов ижемыского диалекта. Многие из них впервые вводятся в научный оборот, особенно в области оленеводческой терминологии и слов, связанных с номинацией флоры и фауны тундры. Слова иногда паспортизируются, но не всегда и это затрудняет выяснение их распространения, например, *ан'ички*, *ан'учки* 'портянка', *тшайка* 'шайка (в бане)', *рыншас'ны* 'беспокоиться' — не снабжены никакой пометой. Автор данных строк, например, не встречал эти слова ни в Ижме, ни в Мохче, ни в Гаме, ни в Кедве, ни в Усть-Ухте, ни в Пожне.

Не все значения отмечены у целого

⁴ В. К. Кельмаков, Некоторые общие пути образования послеложных форм в финно-угорских языках. — Вопросы финно-угроведения, вып. V, Йошкар-Ола 1970, стр. 69.

ряда слов: *вос'ийайтны* означает не только 'блестеть', но и 'улыбаться, радоваться, быть довольным'; *гол'а* 'ком, комок (мерзлой земли)', а большей частью 'ком мерзлого конского навоза'; *изэра* 'разновидность хищной птицы', но и 'капризный, требовательный, придирчивый (о человеке)'; *йандо* 'северная овчарка (с короткой шерстью и стоячими ушами)', но и 'неопытный пастух, первый год пасущий оленей'; *пас' вома* 'с широко раскрытым ртом' больше употребляется в переносном значении 'болтливый'; *тшак* 'гриб', но и 'резинка канцелярская'.

Значения некоторых слов указаны неточно: *асйа лун* не 'под утро', а 'время до полудня'; *бакйооны* не 'возвышаться, громоздиться; бахвалиться; болтать', а 'болтаться, тратить время попусту'; *каркс'ыны* не 'каркать (о вороне); сильно кашлять', а 'издавать нестройные звуки младенцу'; *оддал'ит'чыны* не 'отдаляться, отдалиться', а 'уйти из дому, забыть родительский дом, родину'; *опалаа ус'ны* не 'быть в опале', а 'опечалиться, загрустить, задуматься'; *т'эшка* не 'шутник, забавник, комик', а 'капризный (о ребенке)' и т. д.

Имеются неточно зафиксированные слова: *айс'ан' бабэ* вместо *айс'ан' баб* 'бабушка по отцу' (*айс'ан' бабэ* 'бабушка, принадлежащая говорящему' (-э суффикс I л.); *борда шыр* вместо *н'ар борд* 'летучая мышь'; *вог'сооны* вместо *одзсооны* 'зевать'; *вылэ-ула* вместо *выла-ула* 'двухэтажный дом'; *гимгис'ны* вместо *гымгис'ны* 'упасть со стуком'; *нырпом* вместо *мырпом* 'морощка'; *опэчэрок* вместо *опэ-*

ч'эрук 'опечек, основание под печь'; *пин'йооны* вместо *пин'ооны* 'ругать'; *туфил'* вместо *т'уфил'* 'туфли'; *тшайкём* вместо *тшайкэм* 'обувь на босу ногу' и т. д.

Не зафиксированы в словаре слова, широко бытующие в речи ижемских коми: *виркэдны* 'тыкать палкой, шестом в дыру'; *кошук* в выражении *кошукыс' пэткэдны* 'вытащить за шиворот', *он' койд* 'очень тонкий, худой', *пынлас'ны* 'ёрзать, переминаться с ноги на ногу', *рикэдны* 'трамбовать, бить', *ругайтны* 'оскорблять', *рукэсуй* 'непоседа, лезущий на глаза (о ребенке)', *таварэс карны* 'сообразить', *тёжэнэрэ пуктыны* 'намотать на ус, принять во внимание', *шопс'ыны* 'кишеть, колыхаться (поверхности воды от обилия рыбы)' и т. д.

Отмеченные частные недочеты не снижают значения монографии, которая вводит в научный оборот большой фактический материал, систематизированный опытными диалектологами М. А. Сахаровой и Н. Н. Сельковым. Стройную систему представляют разделы фонетики и морфологии ижемского диалекта коми языка. Приведены парадигмы обоих видов склонения существительных и местоимений, таблицы спряжения глаголов. Довольно подробно описаны служебные части речи и только ничего не сказано о междометиях.

Данное исследование, несомненно, будет весьма полезным не только для лингвистов, но и для учителей, историков, краеведов, этнографов.

Е. А. ИГУШЕВ (Сыктывкар)